

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Кирзюк Анна Андреевна

**Специфика отношений «я – другой»
в советской культуре 70-х годов**

специальность 24 00 01 – «теория и история культуры»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

- 3 ДЕК 2009

Санкт-Петербург, 2009

Работа выполнена на кафедре культурологии Санкт-Петербургского Государственного Университета

Научный руководитель
Орлова Надежда Хаджимерзановна
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного

Официальные оппоненты
Луговой Александр Александрович,
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского университета
государственной противопожарной службы
Кучумова Екатерина Валентиновна
кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургского политехнического
университета

Ведущая организация
Санкт-Петербургский торгово-экономический
институт

Защита состоится "10" декабря 2009 года в 16 часов на заседании совета Д 212 232 11 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу 199034, Санкт-Петербург, В О, Менделеевская линия, д 5, философский факультет, ауд 4 ф

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им М Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан "10" декабря 2009 г

Ученый секретарь
Диссертационного Совета,
кандидат философских наук,
доцент

Л Е Артамошкина

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования Тема диссертационного исследования представляется актуальной по нескольким причинам

Во-первых, культура 70-х стала к сегодняшнему моменту прошлым, удаленным настолько, чтобы, с одной стороны, быть предметом научного анализа, а с другой, чтобы стать объектом коллективных мифологизаций. Широкое использование советской символики в современной индустрии рекламы, моды, развлечений, появление специализированных сайтов и каналов в СМИ можно расценивать как симптомы массовой ностальгии, которая уже сама стала предметом культурологической рефлексии (С Бойм, Л Горалик, Е Николаева). Очевидно, что ностальгия – особенно, если она имеет коллективную природу и используется в дискурсе массовой культуры (или создается им) – неизбежно мифологизирует свой объект, поэтому способствует скорее его забвению, чем воссозданию. Поэтому вполне возможно, что в скором времени уникальная, чрезвычайно разнообразная и сложная культура советской эпохи редуцируется к набору штампов политической риторики, простых и обаятельных ретро-картинок, предметов и слоганов – и в таком виде останется в коллективной памяти последнего советского и в представлениях постсоветского поколений.

Во-вторых, если исходить из преемственности между настоящим и прошлым культуры, позднесоветская эпоха интересна как место рождения и существования совокупности мироощущений, ценностей, привычек, ментальных стереотипов, а также интеллектуальных и художественных открытий, которую наследует современность.

В-третьих, актуальной остается тема «другого». Различные направления философии XX-го века постулировали зависимость субъекта от разного рода «других»: идеи диалогизма и «коммуникативного существования» – от другого субъекта, структурализм и постструктурализм – от «других» языка, дискурса, идеологии, желания, рынка. «Другой» является фундаментально значимой инстанцией, определяющей в субъекте все или почти все (идентичность,

убеждения, вкусы, содержание памяти), находящейся вовне, и одновременно, внутри него («я – это другой», как говорил Лакан) С этой позиции исследование позднесоветской культуры в ракурсе отношений «я – другой» представляется весьма продуктивным, поскольку позволяет охватить различные ее уровни - от тактик повседневных взаимодействий людей до стратегий дискурсивного сопротивления языку власти и особенностей строения коллективной памяти

Степень научной разработанности проблемы Проблема «другого» и «другости» разрабатывалась и продолжает разрабатываться исследователями самых различных направлений Они составляют первую группу авторов, к которым мы обращались в процессе диссертационного исследования Вторую группу источников составляет достаточно широкий круг работ, посвященных различным аспектам культурной, общественной, повседневной и политической жизни общества «развитого социализма»

В первой группе исследований следует выделить несколько подгрупп Прежде всего, это авторы, проблематизировавшие зависимость субъекта от другого субъекта (от «ближнего другого», в нашей терминологии) Идея о том, что «я» онтологически неустойчиво и для обретения идентичности нуждается во «взгляде другого» разрабатывалась М Бахтиным, П Бергером, А Кожевным, И Коном, Ч Кули, Ж Лаканом, Дж Мидом, Ж-П Сартром и другими Позиция, согласно которой «я» конструируется «Большим Другим» (под которым здесь понимается единство языка и идеологии, определяющее специфику тех дискурсов, которые субъект вынужден потреблять как носитель данной культуры) представлена в работах Р Барта, Ж Деррида, Ж Лакана, представителей французской школы дискурс-анализа (Ж-Ж Куртина, М Пеше, П Серио), Л Альтюссера и других Зависимость мышления субъекта от структур языка (наличие которой и позволяет рассматривать идеологию и язык как единого Другого с большой буквы) утверждалась и исследовалась в трудах по языкознанию В Гумбольдта, А Бодуэна де Куртэне, Ю Караулова, А Потемни, а также в работах М Бахтина, Э Бенвениста, Б Гаспарова,

Дж Лакоффа, Ю Лотмана, Б Маркова, М де Серто В первой четверти XX-го века возникло представление о том, что прошлое неизбежно искажается в процессе создания исторического или общекультурного нарратива о нем – то есть, является своего рода непознаваемым «другим» К этому направлению мысли относятся концепция социального конструирования коллективной памяти М Хальбвакса, идеи представителей исторической школы «Анналов» (М Блок, Ф Бродель, Л Февр), теории нарративистов (П Рикер, Х Уайт)

Отдельную подгруппу составляют исследования собственно проблематики *другости*, в которых ставится вопрос о возможности сохранения (или преодоления) *инаковости* «другого» в процессе познания и коммуникации это теоретические разработки ММ Бахтина, Б Вальденфельса, В П Визгина, Э Левинаса

Во второй группе источников можно выделить несколько направлений изучения позднесоветской культуры Относительно недавно возникшее направление – «этнография повседневности» советской эпохи, в рамках которого исследуются тактики повседневного существования людей в условиях коммунальной квартиры (Е Герасимова, И Утехин), очереди (К Богданов), экономики дефицита (О Гурова, А Леденева, М Туровская, И Утехин, Д Юрганова), к этому направлению примыкает и «этнография идеологии» А Юрчака Перечисленные исследования строятся на социологических методах (прежде всего, глубинных интервью), что позволяет их авторам довольно успешно реконструировать «картину сознания» бывшего носителя советской культуры Не менее продуктивным в этом отношении является анализ биографических нарративов «маленького» советского человека, предпринятый Н Цветаевой и Н Козловой

Археологии советского субъекта посвящены исследования О Хархордина Используя методы М Фуко, он выделяет в советской культуре ряд особых практик «об-личения», посредством которых формировался советский субъект

Другое направление связано с осмыслением специфики как художественной жизни 70-х в целом, так и отдельных ее феноменов это исследования М Берга,

Б Гройса, В Жидкова, А Зорина, Н Зоркой, В Курицына, М Липовецкого, Н Маньковской, С Т Махлиной, Б Парамонова, Е Раскатовой, С Савицкого, К Б Соколова, М С Уварова, И Уваровой, М Эпштейна. Еще один сегмент исследований советской культуры представлен работами, анализирующими особенности ее «ново-языка» и, шире, официального дискурса (Д Вайсс, А Ворожбитова, М Кронгауз, Ю Левин, А Романенко, А Синявский, Е Г Соколов, А Соломоник), а также стратегии «языкового сопротивления» ему (Н Купина, Э Лассан, Е Шейгал)

Следует, однако, отметить, что советская культура 70-х годов изучена еще в гораздо меньшей степени чем, например, культура сталинского периода, даже если брать одну только художественную жизнь 70-х, то ее исследования представлены пока несколькими сборниками (в первую очередь, вышедшим в 2001 году «Художественная жизнь России 1970-х как системное целое»), тогда как аналогичная составляющая культуры 20-х-50-х является предметом объемных монографий Б Гройса, И Голомштока, Е Добренко, Т Кругловой, В Паперного

Цели и задачи исследования. Цель исследования заключается в выявлении основных стратегий субъекта в его отношениях с «другим» в советской культуре 70-х. При этом «другой» трактуется предельно широко, как фигура, имеющая три модуса существования «ближнего другого», «Большого Другого» (термин Ж Лакана, который в данной работе используется для обозначения дискурса официальной идеологии) и «иноного»

Достижение этой цели осуществляется посредством решения следующих задач

выделить доминирующие в позднесоветской культуре модели самоидентификации «я» в измерении его существования с ближними «другими» («бытия-под-взглядом-другого», в терминологии Сартра)

выявить этические принципы, участвующие в организации повседневного взаимодействия субъекта с «ближними другими»

определить специфику дискурса официальной идеологии и выявить основные стратегии сопротивления ему, действовавшие в позднесоветской культуре

исследовать степень успешности выполнения официальной идеологией своих функций в культуре позднего социализма и выяснить тем самым пределы ее «власти» над субъектом

рассмотреть особенности функционирования в культуре 70-х созданного официальной пропагандой образа ее «внешнего иного»

исследовать особенности идеологического освоения исторического прошлого на примере создания общекультурного нарратива о Великой Отечественной войне в эпоху 70-х

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является советская культура. Предметом исследования - советская культура 70-х гг., взятая в ракурсе отношений ее субъекта с «другим». Под «70-ми» понимается эпоха, хронологические рамки которой шире календарных согласно распространенной в литературе периодизации, она начинается в 1968-м (с вводом войск Варшавского договора в Чехословакию, усилением идеологического контроля) и заканчивается в 1985-м (с началом «перестройки»)

Методологическая и теоретическая база исследования. Характер поставленных исследованием задач потребовал применения философской и культурно-исторической методологии, в связи с чем в работе использованы следующие методологические подходы и концепции

В качестве теоретического основания трехмодусной трактовки «другого» использовалась концепция Ж. Лакана, а именно, его триада Воображаемого-Символического-Реального. Ее элементы – основные измерения, «планы» человеческого существования – в данной работе понимаются как основные инстанции взаимодействия субъекта с «другим» и, одновременно, как три различных модуса существования другого («ближний другой», «Большой Другой» и «иной»)

При исследовании статуса официальной идеологии в обществе «развитого социализма» использовался социологический метод

К анализу текстов-источников (газетных и журнальных статей, политических речей, анекдотов, текстов диссидентов и художественных текстов эпохи) был применен структурно-семиотический подход

Научная новизна исследования заключается в следующем

впервые культура позднего социализма рассмотрена в свете отношений субъекта с фигурой «другого»

выявлены две основные стратегии дискурсивного сопротивления официальному языку и идеологии (Большому Другому) в позднесоветской культуре

на примере исследования советской культуры 70-х апробирован тезис о том, что наиболее успешной стратегией сопротивления дискурсу власти (как и любому «властвующему» дискурсу) является языковая игра

исследованы особенности функционирования идеологических конструктов «врага» и «героического прошлого» в культуре 70-х

Результаты исследования могут быть сформулированы в качестве **тезисов, выносимых на защиту**

Одним из распространенных способов самонидентификации субъекта в советской культуре 70-х становятся практики «суррогатной индивидуализации», т.е. индивидуализации через потребление. Официальная идеология и особенности плановой экономики блокировали эти практики и тем самым способствовали их культивированию. Вместе с тем эти практики не соответствовали не только официально-одобряемым способам «обличения», но и некоторым базовым для русской (советской) культуры ценностям.

В пространстве позднесоветской культуры распространяются две стратегии сопротивления Большому Другому официального языка: дискурс *обличения* (тексты диссидентской направленности) и дискурс *игры* (политический анекдот, литература постмодерна). Появление

последнего стало возможным вследствие предельной десемантизации официального языка, очевидности отсутствия референта у его знаков

Если понимать «идеологию» как систему установок, целей и ценностей, пропагандируемых посредством специально предназначенных для этого текстов, то в позднесоветской культуре она утрачивала способность выполнять свои функции и существовала в качестве отвлеченной, самозамкнутой и параллельной реальности. Если же понимать ее широко, как действующую через альтюссеровские «аппараты» и рассеянную во множестве практик, то субъект находился под определенной степенью влияния «Другого» идеологии.

Идеология является основной системой производства готовых к употреблению внутри культуры образов «иноного». Сконструированный в дискурсе официальной идеологии образ «внешнего иноного» (Запада), воспринимался (вследствие общего ощущения «дефицита референта» от чтения официального текста) по большей мере как идеологический обман, что приводило к формированию у значительной части его адресатов образа-антипода. В отличие от образа «внешнего иноного», образ «иноного-внутри» (значимого исторического прошлого) сохранил устойчивость к процессам десемантизации. Представляется, что в этом случае Большой Другой, предоставляющий готовые конфигурации значений для его осмысления, выполнял охранительно-терапевтическую функцию.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные в процессе диссертационного исследования результаты могут послужить основанием для дальнейшего изучения различных сегментов позднесоветской культуры. Также результаты исследования могут применяться при чтении лекций и специальных курсов по философии и культурологии.

Апробация работы. Основные результаты исследования представлены в тезисах и статьях, а также артикулированы в виде докладов на научных конференциях. Международная конференция «Исповедальные тексты

культуры», 18-19 ноября 2006, Санкт-Петербург, Международная научно-практическая конференция «Советская культура проблемы теоретического осмысления», 20 июня 2008, Санкт-Петербург

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре культурологии Санкт-Петербургского государственного университета

Объем и структура работы Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих 6 параграфов, заключения, списка литературы, включающего 184 источника

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, освещается степень ее разработанности, определяются объект, предмет и научная новизна исследования, формулируются цель и задачи, определившие общую направленность и структуру исследования, указываются теоретические и методологические основания диссертации, показывается ее теоретическая и практическая значимость

Первая глава **«Субъект позднесоветской культуры в его отношениях с «ближними другими»** состоит из двух параграфов. Она посвящена анализу форм самоидентификации «я» в измерении его существования с ближними «другими», а также выявлению специфики повседневного взаимодействия людей в эпоху «развитого социализма». В первом параграфе **«Доминирующие модели самоидентификации»** рассматривается процесс советской индивидуализации (становления личности современного типа), а также способы идентификации, характерные для позднесоветского субъекта. В концепции Лакана отношения «я» с ближними ему другими принадлежат регистру Воображаемого, где господствует запрос на признание, направленный на других. «Взгляд другого» (Сартр) необходим субъекту для самоидентификации. Желание признания универсально, однако, формы проявления «желания признания» в каждом отдельном обществе имеют свою специфику. В обществах современного типа (к каковым относится и позднесоветское) важной составляющей «желания признания» становится

стремление субъекта к утверждению своей индивидуальности, т.е. отличия от других. Люди первых советских поколений идентифицировали себя с едиными, предлагаемыми «сверху» идеологическими и культурными образцами. В позднесоветской культуре распространяется дискурс об «индивидуальности» и ее «подавлении». Усложняется городская культура, в результате чего появляется множество неофициальных, субкультурных, микрокультурных и контркультурных образцов для идентификации. Наиболее распространенным способом «подтверждения индивидуальности» для позднесоветского субъекта (для некоего условного типа «нормального», «обычного» субъекта) становятся практики «суррогатной индивидуализации» (термин О. Хархордина), т.е. индивидуализации через потребление. Особенности плановой экономики, с ее хроническим дефицитом и единообразием выпускаемой продукции, блокировали эти практики и тем самым способствовали все большему их распространению. Практики самоутверждения через потребление не соответствовали не только официально одобряемым способам обличения (через дела, а не через вещи), но и некоторым классическим для русской (и советской) культуры ценностям – в первую очередь, ценности аскетизма (*нестяжания*, в терминологии С. Кара-Мурзы), с которой связано традиционное представление русских о себе как о людях, предпочитающих духовные блага материальным. Поэтому осуждение практик «суррогатной индивидуализации» как «вещизма», «бездуховности», «потребительства» не ограничивалось областью официальной пропаганды.

Во втором параграфе «**Специфика отношений «я» и «другой» в повседневности позднего социализма**» выявляются этические принципы, регулирующие повседневные взаимодействия между субъектами. Нормы, организующие культуру повседневности, находятся в прямой зависимости от специфики социальных и экономических отношений и порождаемых ими практик, в которых участвуют люди. Наиболее важным в этом отношении фактором для позднесоветской повседневности представляется так называемая «экономика дефицита». По утверждению ряда авторов, вспоминающих или

исследующих эпоху 70-х, ставшая сейчас предметом ностальгии «человечность» межличностных отношений была напрямую связана с «бартерным» характером экономики дефицита, в которой первостепенную роль играли не деньги, а взаимные услуги. Такая система формировала особую этику, главными принципами которой были принципы *взаимопомощи* и «человеческого отношения». Анализ общенациональных, интеллигентских и официально-идеологических представлений о наилучшем устройстве общества (те такое, в котором отношения между людьми лишены конфликтов и противоречий) обнаруживает связанность в структуре этих представлений бедности и хороших отношений между людьми. С теоретических позиций марксистского толка (Г.А. Голицын, В.М. Петров) утверждается, что господство коллективистской установки в культуре напрямую связано с условиями бедности или любого рода экономической депривации. Таким образом, по аналогии с тем, как в индивидуальном плане изначальная онтологическая «нехватка» (Ж. Лакан) обрекает субъекта на фундаментальную зависимость от «другого», «нехватка» в плане социально-экономическом порождает ценности коллективистского характера.

Вторая глава «**Формы отношений субъекта с безличными “другими” языка и идеологии**» состоит из двух параграфов. В ней исследуется специфика отношений субъекта позднесоветской культуры с безличным Другим языка и идеологии. Лакановский термин «Большой Другой» используется здесь для обозначения единства идеологии (как системы идей, ценностей и норм) и языка (как знаковой системы, играющей главную роль в процессе идеологического воздействия). Эффективность идеологии не в последнюю очередь связана с успешностью языковых стратегий. Поэтому **первый параграф «Основные дискурсивные стратегии сопротивления официальному языку»** посвящен вопросу о том, какое положение в культуре «зрелого социализма» занимал официальный язык, вопросу о пределах его власти над субъектом и стратегиях сопротивления ей со стороны «я». По мнению ряда авторов, занимающихся советским «новоязом», последний к 70-м годам достиг предельной степени

клишированности и ритуализированности Из-за перенасыщенности языка идеологии штампами, официальное слово теряло смысловую наполненность Знак идеологического письма оказался оторван, говоря словами Деррида, «от его природной привязки к выражению» слова официального дискурса воспринимались большей частью его адресатов как симулякры не существующей реальности

В параграфе выделяются две возникающие в рамках позднесоветской культуры стратегии сопротивления Большому Другому языка и идеологии 1) дискурс *игры* и 2) дискурс *обличения* Возникновение дискурса *игры* стало прямым следствием произошедшей десемантизации официального языка Дискурс *игры* в данном исследовании анализировался на примерах таких явлений, как политический анекдот, литература концептуализма, а также того сегмента русского литературного постмодернизма, который В Курицын называет «полистилистическим» Пустота идеологического знака позволяет наделять его произвольными значениями – на этом основывался значительный корпус анекдотов, главным персонажем которых становился официальный язык эпохи зрелого социализма, тот или иной его штамп («коммунизм», «линия партии», «слава КПСС» и пр) Представляя собой, по определению А Свияжского, «штамп, который сам себя взрывает», анекдот демонстрировал обилие «мертвых зон» внутри политического языка По такому же принципу строился концептуальный текст, но если анекдоты основывались на штампах политически ангажированного языка, то концептуализм предельно расширил зону деконструируемого «мертвого» слова, включив в нее «общие места» всего русского литературного и разговорного языка, «русского макродискурса» (в терминологии А Ворожбитовой) Полистилистический текст (представленный в данном исследовании поэмой Вен Ерофеева «Москва-Петушки») сталкивает, взаимно пародирует, обыгрывает и снижает различные языки как официально признанные, так и репрессированные стили, пересекаясь, образуют в таком тексте «многоголосие» (М Бахтин), в котором каждый из отдельных языков лишается монополии на говорение В этом смысле полистилизм

демонстрировал лежащий в основе ситуации постмодерна кризис Единого языка, обладающего монополией на Единую истину

Все три выделенные выше дискурсивные практики *игры* могут быть квалифицированы как симптомы «состояния постмодерна», которое, согласно Лиотару, начинается с того, что метанаррации, «великие рассказы» (каковым являлась, в частности, коммунистическая идеология) теряют свою легитимирующую силу. Язык советского метарассказа утрачивал свое правдоподобие не только вследствие «истирания» его слов, но и по причине осознания (по крайней мере, некоторой частью интеллигенции) «краха утопии» - с которого, по мнению многих авторов, начинается эпоха 70-х. Общей чертой трех выделенных типов *игрового* отношения к Большому Другому (и одновременно главным их отличием от дискурса *обличения*) является отказ от референциального понимания слова: они заняты самим языком, а не проблемой его соответствия или несоответствия внеязыковым референтам. Такое отношение к слову явным образом расходится с характерной для советской и русской культуры традицией *текстоцентризма*, суть которой заключалась в том, чтобы воспринимать слова «всерьез», как могущие влиять на жизнь. Дискурс *обличения*, под которым подразумеваются тексты диссидентской направленности, остается (в своем отношении к языку) в русле этой традиции. В настоящем исследовании он назван «дискурсом *обличения*» потому, что основным пунктом его отношения к «советскому языку» являлось обвинение последнего во лжи. Дискурс *обличения* основывался на вере в онтологическую референциальность языка: обвиняя язык во лжи, он исходил из его способности говорить истину, а потому занимался выявлением несоответствий слов действительности, тогда как дискурс *игры* был занят языком как таковым, демонстрацией его бессилия в качестве носителя истины. Оставляя сам язык «вне подозрений», обличающие тексты зачастую становились лексическими и структурными двойниками официальных. Анекдот, концептуалистская или «полистилистическая» игра с языком меняет код прочтения идеологически нагруженного текста, что не только обнаруживает условность или пустоту

последнего, но и становится выходом за пределы смыслового «горизонта» идеологии

Во втором параграфе **«Функциональная эффективность официальной идеологии в культуре зрелого социализма»** исследуется степень успешности выполнения официальной идеологией своих функций в культуре позднего социализма, из этого делается вывод о характере отношения «я» (носителя, субъекта культуры) с Другим идеологии, то есть, о пределах его «власти» над субъектом. Суть отношений субъекта с Большим Другим идеологии коренится в тех функциях, которые несет идеология, в том, какую роль играет она в существовании культуры того или иного общества, какое место ее картина мира и ценности занимают в сознании субъекта. Поэтому в начале параграфа дается краткий обзор определений идеологии, затем перечисляются функции идеологии (познавательная, программно-целевая, аксиологическая, интегрирующая), затем рассматривается, какие из них идеология в культуре зрелого социализма действительно выполняла. Для того, чтобы исследовать выполнение или невыполнение идеологией своих функций, необходимо иметь перед глазами «картину сознания» субъекта изучаемой культуры. Решение такой задачи начинается с выбора методов реконструкции этой картины. Первый связан с семиотическим подходом к культуре, в данной работе он назван *«от текста»*. Анализ самого идеологического дискурса (по причине произошедшей десемантизации его знаков, вследствие которой он перестал пониматься буквально) представляется для решения поставленной задачи малопродуктивным, для ее решения необходимы тексты, являющиеся *формой сознания* (А. Пятигорский) адресата этого дискурса, в случае данного исследования - представителя некоего культурного большинства, «маленького» («нормального») советского человека, относительно далекого от идеологии и политики. Немногочисленные образцы таких текстов найдены в работах Н. Козловой, Б. Грушина, А. Юрчака, также к ним можно причислить политические анекдоты. Второй возможный способ реконструкции сознания заключается в анализе повседневных практик, в которых участвовало

большинство субъектов изучаемой культуры В настоящей работе ему дано название «от практики» Предположение о продуктивности обращения к повседневности для выявления степени «идеологизованности» сознания субъекта основывается, в частности, на утверждении Л Альтюссера о том, что «идеология всегда существует в практиках, или в практиках»

В параграфе также дается обзор представленных в современной культурологической и социологической литературе суждений, касающихся места идеологии в позднесоветской культуре Среди них почти общим местом являются констатации того, что в 70-е эффективность «идеологического воспитания», равно как и доверие людей к официальному дискурсу снижались По свидетельствам ряда авторов, взаимодействие с идеологическими институтами приобретало в эпоху «развитого социализма» все более формальный характер Оно описывается в терминах «ритуала», «ритуальной игры» или с помощью метафоры «параллельности» (Б Парамонов, Л Карасев, А Юрчак, С Бойм и др) Основываясь на этих суждениях, можно было бы сделать вывод о том, к 70-м годам идеология стала «параллельным» миром, соприкасающимся с жизнью советского человека исключительно посредством формального участия последнего в неких обязательных ритуальных процедурах Однако, он представляется не вполне верным

Предпринятые в рамках настоящего диссертационного исследования попытки обнаружить (с помощью двух выделенных способов «реконструкции сознания») в составе позднесоветской ментальности некие зоны, производные от функционирования идеологического дискурса, привели к следующим выводам 1 В текстах адресатов идеологического дискурса нередко имеет место ироническая дистанция по отношению к его формулировкам Однако, при этом истершиеся и ставшие предметом анекдотов пропагандистские штампы (как, например, формула *неустанной заботы партии*) продолжали «работать», т е во многом определять картину социального мира субъекта, поскольку имели подтверждение, дублировались в социально-экономической, повседневной практике Ситуацию практического воспроизведения утративших

смысл идеологических постулатов иллюстрирует высказывание С Жижека о способе бытования идеологии в современных, охваченных цинизмом обществах «субъекты больше не верят, но за них верят сами вещи»² Если понимать «идеологию» так, как она понималась в рамках самой позднесоветской культуры – то есть, как систему идеалов, целей и ценностей, пропагандируемых государством посредством специально предназначенных для этого текстов – то она утратила свои функции и находилась в отношениях «параллельности» к большинству «нормальных» субъектов. Если же понимать ее широко, как действующую через альтерсеровские «аппараты» и существующую прежде всего в практиках, то субъект находился под определенной степенью влияния официальной идеологии. Идеология продолжала успешно выполнять свои функции «непрямым» образом посредством формальных свойств официального текста и ритуала утверждалась картина стабильного, неизменного мира, посредством имеющихся социально-экономических институтов – защищенное место человека в нем.

В третьей главе «Функционирование образов “внешнего иного” и “внутреннего иного” в советской культуре 70-х» рассматривается последний из трех смыслов, заключающихся в понятии «другой» – это другой как «чужой», или «иной». После исследований В Гумбольдта, А Потемни, Ю Лотмана, Б Вальденфельса, существование иного-как-иного (во всей полноте своей инаковости) в поле зрения той или иной культуры представляется сомнительным, поскольку для того, чтобы занять какое-то место в сознании культуры, «чужое» должно найти себе имя в ее языке, а переименованное, вписанное в «свой» символический порядок «чужое» лишается определенной доли чуждости. Если, например, задача гуманитарных наук (по Бахтину) заключается в «преодолении чуждости чужого без превращения его в чисто свое», то культурные стереотипы и мифологемы имеют как раз обратную цель – «переварить» чужое, сделать его понятной частью «своей» картины мира. В результате этого процесса культура (или отдельный субъект) имеет дело с тем,

что М Бахтин называл «чужим освоенным», те с некими одомашненными образами чужого

Глава структурирована в соответствии с двумя возможными локализациями «иного» относительно культуры, которые в данной работе обозначаются как «внешнее иное» и «иное-внутри»

В первом параграфе **«“Внешний иной”»: образ Запада и его восприятие** рассматриваются особенности функционирования в позднесоветской культуре образа ее «внешнего иного», представленного Западом, «главным другим» русской культуры (П Серно) В современных обществах восприятие «внешнего иного» носителем культуры опосредуется, по большей части, идеологией Поэтому не вполне корректно говорить о собственно отношениях «я-иной» следует говорить лишь о взаимодействии «я» с Большим Другим идеологии и языка, который конструирует и предоставляет субъекту культуры определенный образ «иного»

Этот образ существует, во-первых, в пропаганде, а, во-вторых, как ее результат – в общественном сознании В обоих модусах существования образа «чужого» в исследуемый период происходят изменения относительно классического способа его функционирования Что касается самого образа, то анализ соответствующего сегмента официального дискурса показывает, что по сравнению с хрущевскими и сталинскими временами, в пропаганде 70-х происходит существенное смягчение риторики врага (это отмечают Д Вайсс, Л Гудков, Ю Левин), его образ становится более эмоционально-нейтральным и анонимно-непредставимым Источниками информации о характере «образа врага» в общественном сознании для данной работы послужили социологические исследования Б Грушина, Ю Левады и политические анекдоты Социологический материал дал мозаичную картину, демонстрирующую, что сконструированный пропагандой «образ врага» усваивался в обществе неравномерно, а степень критичности его восприятия зависела от уровня социальной депривированности адресата Исследование блока анекдотов на тему «Запада» позволило прийти к более или менее

однозначным выводам 1 В анекдоте Запад оказывается неким негативным отражением образа, сконструированного советской пропагандой (сам СССР, впрочем, тоже) Анекдот говорит о западе как о вожделенном месте изоблия и свобод В отношении «образа врага» анекдот находится между стратегиями *игры* и *обличения* с одной стороны, он оперирует штампами о «враге» как пустыми знаками, с другой, полученный в результате буквализации пропагандистского клише результат оказывается по смыслу прямым его отрицанием 2 Можно предположить, что ироническое или скептическое отношение к официальному дискурсу о «враге» было явлением довольно распространенным Представляется верным связать это с тем, что, являясь продуктом официального дискурса, образ «внешнего чужого» оказался вовлеченным в процесс общей десемантизации этого дискурса Визуальному образу или словесному портрету «капиталиста» была свойственна крайняя статичность его внешние атрибуты, равно как и черты его морального облика не менялись десятилетиями и превратились в штампы Для советского официального дискурса в целом было характерно нарушение одного из важнейших требований коммуникации - информационной новизны Многократные повторы, отсутствие в высказывании новой информации о референте создает эффект *псевдореференциальности* (А Воровбитова) 3 Испытывая «дефицит референта» и своего рода «раздражение от текста» в процессе потребления официальной информации, ее адресаты зачастую попадали по власть другой идеологии, построенной на отрицании официальной Попытки «вскрыть идеологический обман» (Барт) официального языка в описании «чужого» (при невозможности увидеть его «собственными глазами») нередко сопровождалось отрицанием навязанного образа во всей его обобщенности, а значит, вводили отрицающего субъекта в круг другой идеологии, анти-идеологии Идеологема «западного рая» (о существовании которой в 70-е писали, в частности, П Вайль и А Генис) стала производной от дискредитированного официального мифа

Второй параграф «**Особенности идеологического освоения прошлого в официальном историческом нарративе**» посвящен процессу идеологизации и символизации исторического прошлого (а именно, военного прошлого), который происходил в позднесоветский период. Культурная функция фигуры «иного» (или «чужого») заключается в том, чтобы служить условием для самоидентификации «своего». Если Запад («внешний иной») традиционно служил опорой для негативной идентификации, то победа в Великой Отечественной войне стала условием всех позитивных идентификаций позднесоветской культуры. Мы полагаем, что опыт войны можно рассматривать как ее внутреннее «иное» по следующим причинам: 1) Прошлое (особенно, коллективно значимое) - всегда в какой-то мере «иное» внутри любой культуры, поскольку оно не может быть удержано и схвачено во всей своей событийной полноте даже в самом интенционально непредвзятом историческом нарративе. На это указывают исследования М. Блока, Л. Февра, Х. Уайта, П. Рикера, П. Хаттона. 2) Как опыт травматический и «экстремальный», военный опыт содержит в себе нечто, принципиально не поддающееся вербализации, тем более оказывается он до конца неперевожимым на язык «коллективных чувств». 3) Те или иные события прошлого актуализируются в памяти культуры, «вспоминаются» в соответствии с определенной системой кодов, код актуализации войны в позднесоветском публичном дискурсе можно обозначить как «героический». В процессе создания общекультурного исторического нарратива происходит наполнение коллективной памяти определенными высказываниями, которым обеспечивается повторяемость, одновременно с этим другие высказывания обрекаются на уничтожение или забвение. При этом, как свидетельствует анализ механизмов социальной памяти (М. Хальбвакс, Х. Вельцер), происходит интеграция индивидуальных воспоминаний в структуры коллективной памяти, повторяемые в публичном дискурсе высказывания зачастую становятся средством собственного высказывания людей о прошлом, те приобретают статус самой реальности прошлого. Поэтому интенсивная работа по созданию

образа войны, сопровождающаяся выработкой соответствующего «языка воспоминаний» и активным пополнением «цитатного фонда» (Б Гаспаров) на военную тему, способствовала не только активизации военного прошлого в памяти культуры, но и его «ускользанию»

В отличие от образа «внешнего иного», образ «иного-внутри» сохранил устойчивость к процессам десемантизации. Представляется, что в случае с памятью о таком травматическом событии, как война, Большой Другой идеологии, предоставляющий готовые конфигурации значений для его осмысления, выполнял охранительно-терапевтическую функцию

В заключении подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования темы

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

1) Феномен политического анекдота в советской культуре 60-70-х годов // Вестник Ленинградского Государственного Университета им. А.С. Пушкина, №4 (8), серия «философия». СПб., 2007. С. 104–109 (издание включено в перечень ВАК Минобрнауки России)

2) Жанр «письма в редакцию» как пример инверсии исповедального слова // СПб 2007 Исповедальные тексты культуры Материалы международной научной конференции СПб, 2007 – 300 с - С 147-150

3) Фактор идеологического конструирования времени и пространства в советской культуре (на примере 60х-70х гг) // Советская культура проблемы теоретического осмысления Материалы международной научно-практической конференции СПб, 2008 – 244 с – С 130-133

4) «Главный другой» советской культуры 70-х специфика функционирования образа // Парадигма философско-культурологический альманах Вып 12 СПб, 2009 – 200 с – С 88-94

Подписано в печать 06 11 2009 г Заказ № 75

1,28 п л Тираж 100 экз

Отпечатано на факультете философии и политологии СПбГУ
199034, С -Петербург, Менделеевская линия, д 5